

Мы все учились понемногу...», и у каждого из нас в жизни было множество учителей. Но от одних в памяти не осталось и следа, иные же, напротив, навсегда остаются с нами не только в мыслях, но и в сердце. Это те учителя, которые смогли стать ключом к юной душе, смогли дать что-то важное, чего нет в учебниках, открыть законы этого сложного мира и тайны самознания. Именно к таким педагогам относится Маргарита Александровна Вавилова, профессор филологии Вологодского государственного педагогического университета.

При входе в ее кабинет я обратила внимание на приклеенную студентами на дверь валентинку с такими шекспировскими строчками:

*Все страсти, все любви мои возьми,
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало...*

Любят студенты своего профессора.

(Вздыхает) - Лучше бы учили русский.

- Маргарита Александровна, я знаю, что с Вологодским государственным педагогическим университетом у Вас связано более 60 лет жизни...

- Да, в институте с 1948 года. С 1960 года, в течение почти 30 лет, я была деканом филологического факультета.

Основной моей специальностью является фольклористика. В 1969 году я начала заниматься фольклором и занимаюсь до сих пор. Фольклор, как наука, мыслится без собирательской работы и с 59-го до, примерно, 70-х годов я ежегодно бывала в экспедициях. Основная, любимая зона - это Тарногский район, где я провела в экспедициях около 15 лет, помимо этого были Вологодский, Белозерский... Почему Тарногский? Потому что родина Михаила Борисовича Мельникова, фольклориста, одного из интереснейших людей. Он родился в Кокшеньге (современная Кокша) и с конца 19 века до 1933 года собирал фольклор.

- За столько лет, наверное, собрано очень много материала, различных рассказов... А есть ли среди них наиболее интересные?

- Все собирательство - это встречи с людьми, и интересны, в первую очередь, люди, с которыми ты общаешься. На протяжении всех этих лет мне встретились разные люди, в принципе очень хорошие, необыкновенно добрые. Очень много было интересных встреч и сложно выделить какой-то отдельный эпизод... Ну, вот, например, из моей первой экспедиции вспоминается такая Анна Михайловна Мальцева, 89 лет было старушке. Вот поздним-поздним вечером, где-то за полночь, она мне говорит: «Не спишь? - Не спишь, - говорю. - Пойдем-ка на улочку... Посмотри, небушко-то какое, звезд-то что на небушке, что мошки на болоте рассыпаны...»

Анна Михайловна, хоть ей столько лет было, сама справлялась со своим хозяйством, много работала. Муж, как она сама говорила, «не вернулся с твое войны (т.е. с империалистической), а меня сложили головушку в этой войне».

Всякие встречи бывали, иногда смешные, когда информатор (рассказчик) олицетворял себя содержанием того, что рассказывал. Например, поет песню Ленинкина «В низенькой светелке огонек горит» и говорит: «Вот убежался: в Ленинград свезу, белый этаж найму, а сам бросил». Мужчины, вы мужчины, коварные сердца, вы любите словами, а сердцем - никогда!» Все было сказано с таким убеждением, что было понятно: она в своей жизни столкнулась с мужской неверностью.

Примеры таких рассказов я могу приводить бесконечно, потому что каждый человек по-

своему интересен. А что еще поражаало в этих встречах, так это то, что люди делились всем, что у них

Властелин ключей

было, самым последним. В 50-60-е годы деревня жила ужасно: «лук да вода - основная еда». Тем не менее никогда не было такого, чтобы не посадили за стол, даже обижались, если мы не сажались. Вообще, «золото, золото сердце народное».

- В русских народных сказках Баба-яга и другая нечисть часто говорят: «Раньше русского дух слыхом не слыхано, видом не видано, а теперь русский дух сам явился...» Что же это такое «русский дух» или «русская душа»?

- Я не могу однозначно сказать. Надо общаться с людьми, это надо чувствовать... Наверное, это доброта бесконечная, умение все прощать, это умение жить в любых условиях, не ныть. Не знаю, для меня очень много значит: Россия, русский человек, для меня это самое дорогое, что есть. И вне России, вне своей страны я себя не мыслю. И этот народ, что живет в деревнях, он не мечтает ни о каких Америках, он хочет жить на своей земле.

Вот была такая история любопытная. Тоже одна старая женщина рассказывала, как мешали хорошо жить всегда: до революции - кулаки, помещики, потом мешали коммунисты: «Война была, мы, молодые девчонки, впрягались в плуг, а своих женок коммунисты на поле не пускали, а потом меня, вообще, на лесозаготовки угонили. А партийные только заседают да говорят. А земельки не дают, дали бы земельки, так на коленах бы поползла, да обиходила». Вот такие бывали рассказы. Но в принципе - одно важно: ничего плохого не могу вспомнить, ничего плохого.

- Во все времена, и сейчас тоже, журналисты, политики часто манипулируют понятием «народ, народность», а что Вы вкладываете в это понятие?

- Что я вкладываю, я уже все сказала, а о политике говорить не хочу, не хочу давать никаких оценок. Вот я, живу и живу. Если бы каждый нормально делал свое дело, никаких бы проблем не было. И народ в деревне так понимает. А политикой занимаются болтуны. Я на эту тему говорить не люблю. Работаю и делаю свое дело, думаю хорошо, во всяком случае, честно.

- А удастся ли нам сохранить нашу «русскую душу», нашу доброту?..

- Это куда не денется, хочет-

родителей, был учитель!

Меня часто мучил вопрос: почему из всех выступлений фольклорных коллективов, которые мне когда-то довелось увидеть на сцене, ни одно особо не тронуло меня, не поразило, не заинтересовало. Неужели, думаю, я не «русская душой», а может, сказывается, что я городская жительница в третьем поколении и практически не бывала в деревне? Почему-то эти выступления казались мне какими-то стилизованными, не настоящими, ладно подогнанными для сцены. Для меня это творчество было подобно богатырю Илье Муромцу, который теряет свою силу и мощь, едва оторвавшись от родной земли.

Но общение с великолепным педагогом Маргаритой Александровной Вавиловой, ее отношение к народному творчеству, заставило меня совершенно по-другому взглянуть на фольклор. Ведь это ключ к пониманию всей национальной литературы, к пониманию души народа, а, значит, и себя как части этого народа.

Мне захотелось побольше узнать об устном творчестве, окунуться в этот мир, который через века связывает нас с ранним детством человечества и нашего народа, в частности. Мы читаем русские народные сказки нашим детям, как читали их нам наши родители, как рассказывали им их родители... Так было и так будет. И мы даже не задаем себе вопроса - почему? Детство человечества сродни детству человека. Наши далекие предки, так же, как наши дети, очень мало знали об окружающем мире, боялись грозы, были наивны и чисты и верили в добро.

Любимый герой наших сказок - Иван-дурак, третий сын в семье (это означает, что по законам родового строя он ничего не получал в наследство), т.е. бесребреник. Но он добрый, веселый, бескорыстный, любит на печке полежать, но не потому, что ленив, а потому, что мечтает любить... О хорошей жизни, которая обязательно будет, и это дает ему силы вытерпеть все невзгоды. И, если задуматься, то именно это отличает наш народ от других. Мы любим мечтать и рассуждать: о власти и справедливости, о добре и зле, о том, что такое любовь и что такое смерть, в конце концов, что есть «я» и что есть Бог.

Именно мечтатели чаще других обращают свой взор к небу, к звездам. Одна восточная мудрость гласит: «Когда песчинка мыслит о вселенной, она в себе вселенную вмещает и больше космоса становится песчинка. Таков закон».

Татьяна КОМИССАРОВА.

На фото: Маргарита Александровна Вавилова.

ся верить...

- Так же, как фольклор, да? Некоторые говорят, что он исчезает...

- Это говорят те, кто не занимается им, кто ничего в нем не понимает. Народное творчество не исчезнет никогда, оно меняет формы, но оно будет существовать, пока жив народ.

- В современном мире стираются грани, по крайней мере внешние, отличающие нас, скажем, от европейцев. Нет национального костюма, предметов национального быта и т.д., язык наполняется заимствованиями. Как же сохранить свою индивидуальность?

- Ну, во-первых, заимствования были всегда. Помните у Грибоедова: «Дай Бог, чтоб русский наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев».

Стремление улучшить свой имидж, казаться более культурными было всегда. И это проявляется, в основном, во внешнем каком-то облике. Но на то и есть школа и учителя, чтобы заботиться о нашем внутреннем, индивидуальном, духовном. Только очень плохо правительство заботится об учителях. Много говорят, но делают мало. А мы живем, как те люди, которые в деревне живут, делаем свое дело, невзирая ни на что. Этим и будет жить народ, и будет жива страна. Но очень грустно, что литературное обучение исчезает из школы, а с ним исчезает и духовность. С одной математикой и экономикой не построишь духовного общества.

- Есть что-то главное, что бы хотелось донести до студентов? С чем им, так сказать, идти по жизни?

- Очень сложный вопрос... С чем идти по жизни... У нас четко: мы учим филологии. И мы считаем, что это то, что дает духовность обществу. И те студенты, кто это понимает, они этим живут, они несут это в свою семью, несут в школу. Мы, это я вам могу сказать точно за всех тех, кто работает на филфаке, честно делаем свое дело, несмотря на то, что нам постоянно мешают. Мешают внедрять литературу, так, как надо, искоренили ее почти из школы.

И что меня больше всего оскорбляет, так то, что все наши депутаты, чиновники, они все прошли через школу, но они все об этом забыли! Забыли, что в их жизни главной фигурой, помимо